

ОБРАЗ СЕВАСТОПОЛЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

И. В. Сибиряков

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье проанализированы более десятка воспоминаний участников Великой Отечественной войны, в которых есть сюжеты, посвященные обороне Севастополя в 1941—1942 гг. Автором выявлены основные образы Севастополя, которые могли быть сформированы при прочтении данных текстов, советскими читателями. Особое внимание в статье уделено анализу механизмов формирования таких образов в контексте государственной исторической политики, проводившейся в СССР во второй половине XX в. Автор раскрывает некоторые особенности восприятия образа города непосредственными участниками обороны Севастополя в 1941—1942 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, образ, политика памяти, Севастополь.

Воспоминания участников Великой Отечественной войны, на наш взгляд, относятся к особому типу исторических источников и играют очень важную роль в формировании образов войны в коллективной памяти социума. «Коллективная память позволяет членам сообщества, преодолевая пространственные и временные дистанции, сохранять ценностные ориентиры и системы координат» [1, с. 16].

Не случайно уже в первые послевоенные годы свидетельства непосредственных участников боевых действий вызывали пристальный интерес со стороны государственных структур, отвечавших за формирование «правильных» представлений о войне в первую очередь у тех групп населения, которые не имели или не сохранили собственных воспоминаний об этом периоде отечественной истории. В дальнейшем по мере возникновения в стране все новых поколений молодежи, лишенных опыта личного участия в военном конфликте, потребность в формировании жесткой исторической политики государства становилась для многих представителей политической элиты страны все более очевидной. Многие сюжеты, связанные с историей Великой Отечественной войны, занимали в этой новой государственной исторической политике ключевое место, а образы Великой Отечественной войны были призваны сыграть решающую роль не только в идеологическом противостоянии со странами Запада, но и в патриотическом воспитании всего населения Советского Союза.

Оборона Севастополя в 1941—1942 гг. и освобождение города весной 1944 г. сразу же стали значимыми системообразующими сюжетами официальной истории Великой Отечественной войны. Не случайно воспоминания участников боевых действий в Севастополе первоначально активно публиковались в советских газетах и журналах, а затем в столичных и региональных издательствах. По нашим подсчетам за 45 послевоенных лет в СССР было издано более 50 воспоминаний участников обороны Севастополя и тех, кто принимал участие в освобождении города. Пик издательской активности пришелся на 60—70-е годы XX в., когда сформировался основной корпус «севастопольских»

воспоминаний, посвященных Великой Отечественной войне.

В 1951 г. на суд читателя свои воспоминания об обороне Севастополя представил бывший первый секретарь горкома партии, председатель комитета обороны города в 1941—1942 гг. Б. А. Борисов. Его книга «Подвиг Севастополя: воспоминания» несколько раз переиздавалась в СССР и за границей. Показательно, что рассказывая о трагических событиях обороны Севастополя 1941—1942 гг., автор говорил о городе в совершенно особой литературной манере, словно речь шла о живом и очень близком ему человеке. В тексте воспоминаний Б. А. Борисова было много сюжетов, связанных с деятельностью городской партийной организации, что было совершенно естественно с учетом той должности, которую занимал в годы войны в партийных органах сам Б. А. Борисов. Важно отметить, что в своих воспоминаниях Б. А. Борисов неоднократно возвращался к мысли о своеобразии Севастополя и севастопольцев, о специфике жизни в этом городе. «Новому человеку, — писал Б. А. Борисов, — нелегко было приспособиться к строю севастопольской жизни даже в мирное время: она то и дело менялась по сигналу учебной тревоги. Севастопольцы же не только привыкли, но и полюбили эти учения...» [2, с. 37]. Особое место в воспоминаниях Б. А. Борисова занял сюжет, посвященный Панораме обороны Севастополя, которая стала подлинным «местом памяти», символом города, своеобразным связующим звеном между героической обороной города в годы Крымской войны и в годы Великой Отечественной войны. Б. А. Борисов писал: «Каждый, побывавший в Севастополе, считал своим первым долгом осмотреть Панораму, и она вызывала у всех чувство восторга. Ежегодно сотни тысяч людей знакомились с величайшим памятником русской славы. Посмотрев Панораму однажды, уже никогда нельзя было забыть ее. <...> Судьба Панорамы не могла не волновать нас всех» [2, с. 64]. По признанию, Б. А. Борисова, первоначально было принято решение эвакуировать только реквизит Панорамы, но после трагических событий 25 июня 1942 г., полностью все-таки пришлось вывезти из города. Отмечая массовый героизм

защитников Севастополя, Б. А. Борисов упомянул и о случаях недостойного поведения. Он писал: «Нечего греха таить — и в Севастополе нашлись трусы, правда, единичные» [2, с. 92]. Признания такого рода имели большое значение для формирования правдивого сложного образа обороны Севастополя в культурной памяти советского общества. Они хорошо вписывались в стремление восстановить историческую правду о войне, которое проявилось в различных слоях и группах населения страны в годы «оттепели». Примечательно, что Б. А. Борисов уделил в своих воспоминаниях особое внимание не столько ходу боевых действия, сколько именно процессам, происходившим в самом Севастополе. Он с восторгом описывал многочисленные примеры мужества и героизма, которые проявили при обороне города моряки, солдаты, рабочие, женщины, дети, работники партийного аппарата. Бытовые детали, которые встречаются в воспоминаниях Б. А. Борисова, были особенно важны для тех читателей, кто стремился увидеть в этой книге не только описание боевых действий, но и понять скрытую за стандартными формулировками особую логику «севастопольской обороны». Б. А. Борисов подчеркивал: «Быт севастопольских убежищ в пору обороны являет замечательный пример победы коллективного начала над всем мелким, личным, эгоистичным. Никто не роптал на трудности, никто не пытался укрыться за чужой спиной» [2, с. 118].

В завершающей части своих воспоминаний Б. А. Борисов опять обратился к образу города Севастополь. Но теперь он предложил взглянуть на этот образ с другой стороны. «Согласно прямолинейной логике врага, город, систематически подвергаемый жестокой бомбежке и артиллерийскому обстрелу, не может жить активной трудовой жизнью. Это противоречило всему опыту войны немцев в Западной и Центральной Европе. Конечно, жители осажденного города могут зарыться в землю и кое-как владать существованием, без смысла и цели. Но жить сознательно, целеустремленно, активно работать, бороться, помогать фронту — это было выше понимания гитлеровского командования!» [2, с. 154]. Не меньше мужества и героизма проявили и те, кто освобождал Севастополь весной 1944 г., и те, кто восстанавливал город, о чем Б. А. Борисов написал в послесловии к книге. Здесь же он еще раз сформулировал тот образ Севастополя, который был с его точки зрения наиболее значимым для этого времени. Б. А. Борисов писал: «Только теперь — впервые после освобождения — снова ощутил себя Севастополь тем, чем он был, — черноморской советской крепостью. И в самом деле, можно ли представить себе Севастополь без флота, а его улицы без загорелых, крепких, веселых матросов в форменках и бескозырках, без мичманов и офицеров в кителях и фуражках с белыми чехлами?» [2, с. 379].

В 1952 г. свет увидела книга лауреата Сталинской премии И. А. Козлова «В городе русской славы». Формально эта книга не являлась воспоминаниями, но она была написана под очень сильным воздействием личных впечатлений автора, который в годы Великой отечественной войны был одним из руководителей подполья в Крыму. Не случай-

но книга стала первым шагом в формировании определенной традиции в освещении событий, связанных с историей Севастополя в годы Великой Отечественной войны. Объясняя причины создания этой книги, И. А. Козлов писал: «Мною руководило одно желание — как можно точнее восстановить картину патриотической борьбы севастопольцев в период оккупации, когда город-герой показал врагу, что не покорен, что был и, есть и будет городом русской славы» [10, с. 350]. В книге присутствовали многочисленные сюжеты и оценки, художественные приемы свойственные советской литературе 1940-х годов. Например, в ней особо подчеркивалась роль И. В. Сталина в обороне Севастополя. И. А. Козлов настаивал: «Находясь на небольшом участке советской земли, блокированные врагом с суши, моря и воздуха, севастопольцы не чувствовали себя одиночками, оторванными от родины. Они повседневно ощущали поддержку всей страны, отеческую заботу и внимание к ним товарища Сталина» [10, с. 354]. И. А. Козлов старался обозначить историческую взаимосвязь первой и второй обороны Севастополя, видя именно здесь один из основных источников мужества и героизма защитников города. Он утверждал: «Отряды прикрытия, выполняя приказ «Держаться до последнего, а оставшимся в живых пробиться в горы к партизанам», держали на Херсонесском мысу последний рубеж — старый земляной вал, сохранившийся со времен обороны Севастополя 1854—1855 гг.» [10, с. 355]. Очень ярким получилось у И. А. Козлова описание города после того, как его оставили советские войска. «Вошли в развалины города, — писал И. А. Козлов. — Едкий запах гари стоял в воздухе. Дышать было трудно, как на пожаре. Мостовая была завалена камнями, щебнем. <...> Какие-то люди в черных шинелях и форменных фуражках <...> замазывали на остатках стен разрушенных домов и заборов советские лозунги и расклеивали немецкие приказы...» [10, с. 357].

Уже в 1959 г. в Ленинграде в издательстве «Советский писатель» была издана книга воспоминаний кандидата военно-морских наук А. К. Евсеева «Осажденный Севастополь». Свой алгоритм работы над текстом воспоминаний А. К. Евсеев объяснил следующим образом. «Когда я развернул свои записки, сделанные в 1942 году, передо мной отчетливо возникли картины обороны Севастополя и образы его замечательных защитников <...>. Свои записки я решил дополнить сведениями, полученными от участников обороны уже после ее окончания. Само собой разумеется, что мои воспоминания написаны в хронологической последовательности и даются на фоне общих военных событий, изложение которых основывается на вышедших из печати официальных изданиях <...>. Во время работы я убедился, что неизбежное неудобство всяких мемуаров состоит в том, что приходится говорить о себе и от первого лица, все время писать прежде всего о личных взглядах, впечатлениях и переживаниях. <...> Ценность воспоминаний определяется их правдивостью, и поэтому я стремился передать свои впечатления о событиях, о моральных и физических испытаниях, которые я пережил вместе со всеми теми, кто

защищал Севастополь, совсем так, как воспринимал их в то, уже ушедшее в прошлое время...» [6, с. 8—9].

Уже в самой первой главе книги «Севастополь готовится к встрече врага» А. К. Евсеев дал очень яркое описание Севастополя, которое должно было стать важной опорной точкой в формировании образа этого города в глазах читателя книги. «Севастополь <...> — писал А. К. Евсеев. — Как много говорит это слово! Когда слышишь его, перед глазами встает красивый город, живописно расположенный на высотах, спускающихся к берегам самых великолепных бухт Черного моря. Но Севастополь не просто приморский город. Севастополь, прежде всего военно-морская база с ее кораблями, укреплениями, доками, заводами, мастерскими, арсеналами. Севастополь — это город моряков, призванных охранять морские рубежи и людей труда, работающих для флота и тесно связанных с ним общими интересами. Севастополь — это город-воин. Его улицы, окрестные селения, высоты и долины омыты кровью матросов и солдат — героев обороны 1854—1855 годов. Севастополь — один из ярких лучей славы русского народа, символ его страданий, мужества и героизма» [6, с. 18].

В книге А. К. Евсеева был дан подробный анализ особенностей организации сухопутной обороны города, в которой автор принимал непосредственное участие. При этом в тексте встречались очень яркие характеристики тех изменений, что произошли в жизни города с началом войны. В частности, А. К. Евсеев писал: «Проезжая по улицам, мы невольно отмечали происшедшие в городе перемены. Все белые дома были закрашены уродливыми полосами темных цветов, а кое-какие домишки в районе Корабельной стороны просто облиты чернилами. На окнах косыми крестами были наклеены, уже успевшие пожелтеть от солнца, полоски бумаги. <...> В центре города начали рыть щели, повсюду шли работы по устройству бомбоубежищ» [6, с. 22]. Об этих же переменах вспоминал позже и Е. И. Жидилов. «Город залит солнцем. Кажется, он такой же, как раньше. Дома из инкерманского камня спяют белизной стен. Их белизну еще более оттеняет бирюзовая гладь бухт. От этого город всегда выглядит празднично. Но война уже наложила на него свою печать. На стеклах окон крест — накрест наклеены полоски бумаги. Некоторые здания, вид которых радовал раньше глаз, теперь обезображены пестрыми полосками камуфляжа, и их не отличить от развалин, от обгоревших коробок домов, которые остались от недавних бомбежек» [7, с. 10].

А. К. Евсеев отметил и перемены, произошедшие в лицах жителей города. «Лица людей были серьезные и озабочены. От всех этих резко бросавшихся в глаза перемен город выглядел потускневшим, насторожившимся и как бы огрубевшим» [6, с. 23]. А Е. И. Жидилов обратил внимание на то, как изменилась походка жителей Севастополя. «У людей появилась торопливая походка: стараются как можно меньше быть на открытом месте» [7, с. 10].

Как и в воспоминаниях Б. А. Борисова, в воспоминаниях А. К. Евсеева подчеркивалась особая роль в организации обороны города городского

комитета партии и горисполкома, присутствовал сюжет о судьбе Панорамы обороны Севастополя, о первых подвигах, совершенных защитниками города. А. К. Евсеев признавал, что Севастополь в эти дни представлял «грустное и вместе с тем трагическое зрелище». В бухтах «кроме стрелявших кораблей, не было видно ни одного судна. Движение на рейдах катеров, буксиров, шлюпок и речных трамваев почти вовсе прекратилось. Над водной пустыней севастопольских бухт уже не носились крикливые чайки. <...> Сиротливо стояли дома, исполосованные мрачной, траурной краской. Если бы не залпы береговых батарей, от которых вздрагивала земля и звенели стекла, если бы не резкие звуки выстрелов зенитной артиллерии и не наши истребители, отражавшие очередной налет, могло бы показаться, что Севастополь покинут всеми» [6, с. 56]. Но это было обманчивое ощущение. Сам А. К. Евсеев признавал, что как только звучал сигнал отбоя тревоги, «люди вновь занимали свои рабочие места и вновь продолжали свою боевую и обычную жизнь». И тем не менее, уже через несколько страниц воспоминаний, в тексте вновь можно было встретить признание того факта, что атмосфера в осажденном городе была тяжелой. Рассказывая о том, как севастопольцы отметили праздник Великой Октябрьской революции, А. К. Евсеев констатировал: «уныло и тоскливо прошел великий праздник в Севастополе» [6, с. 58]. Те же эпитеты использовал А. К. Евсеев, когда описывал город в марте 1942 г. Он писал: «В это пасмурное и дождливое утро Севастополь имел издали унылый вид. Когда-то белые его дома теперь выглядели темно-серыми и неприветливыми» [6, с. 70]. Но при этом жители Севастополя выглядели совсем иначе. А. К. Евсеев писал: «На лицах граждан не видно было беспокойства, подавленности или тревоги; в движениях не замечалось суетливости. И ребята были такими, как всегда, озорниками. Приятно удивили меня расклеенные на заборах и стенах домов афиши, объявлявшие о демонстрации фильмов, правда, несколько устарелых, и о выступлениях артистов различных жанров» [6, с. 72]. Несколько раз на протяжении книги А. К. Евсеев обращался к идее об удивительной близости первой и второй обороны Севастополя. «Вторая оборона Севастополя, как бы роднилась с первой, как бы повторяла и продолжала первую, — утверждал А. К. Евсеев. — С самого ее начала она воскресила сильные и высокие качества русского солдата и матроса: железную стойкость, героизм и готовность к самопожертвованию. <...> Защитники города не хотели в чем-либо уступать своим дедам и прадедам, умиравшим за Севастополь в 1854—1855 гг.» [6, с. 98].

В заключительной части книги А. К. Евсеев вновь привел подробное описание города, которое могло помочь читателю в формировании собственного образа Севастополя в годы войны. А. К. Евсеев писал: «Севастополь, как город, жил жизнью фронта. Его близость к передовой и современные боевые средства стерли такое понятие, как тыл. Собственно говоря, весь Севастопольский плацдарм вместе с городом был фронтом» [6, с. 120]. Как и другие авторы воспоминаний о Севастополе А. К. Евсеев обратил внимание на то, что в дни

обороны города, многие производства, учреждения и люди в прямом смысле слова «ушли под землю». К лету 1942 г. город был сильно разрушен. «Севастополь был совершенно неузнаваем, — подчеркивал А. К. Евсеев. — Совсем еще недавно белоснежный красавец город жил полнокровной жизнью, теперь же на нас смотрели его разбитые жилища, разрушенные стены, зловеще вздыбленные рельсы, балки, и груды камней» [6, с. 212]. В послесловии своей книги А. К. Евсеев размышлял над одним из ключевых вопросов в истории обороны города. Он сформулировал его таким образом: в чем же была сила Севастополя? И так сам ответил на этот вопрос: «сила Севастополя была в его защитниках, опиравшихся в своей борьбе на весь народ, знавших, что они воюют за свою свободу, за власть трудящихся, за право строить коммунизм» [6, с. 249]. Но обязательным компонентом ответа на этот вопрос была следующая фраза А. К. Евсеева. «Сила Севастополя была в том, что вождем и организатором его обороны была великая Коммунистическая партия» [6, с. 250].

Особое место среди воспоминаний об обороне Севастополя заняла книга генерал-лейтенанта Е. И. Жидилова «Мы отстаивали Севастополь», которая вышла в свет в Москве в 1960 г. В годы Великой Отечественной войны Е. И. Жидилов командовал 7-й бригадой морской пехоты и покинул город одним из последних. Е. И. Жидилов не скрывал, что при создании книги ему помогли друзья «своими письмами, воспоминаниями, советами, замечаниями». Книга имела традиционную для таких работ структуру. В ней последовательно описывались все важнейшие этапы обороны Севастополя в 1941—1942 гг.

Одной из наиболее важных особенностей книги был «авторский взгляд» Е. И. Жидилова, человека, который прожил в Севастополе долгие годы. Он с гордостью признавался, что в Севастополе ему был «знаком каждый камень» [7, с. 5]. Не случайно именно Е. И. Жидилову принадлежала идея провести для краснофлотцев экскурсии по историческим местам города, что бы поведать им о том, «что происходило тогда здесь, в этом районе, где расположилась наша бригада» [7, с. 25]. Очень важным с точки зрения, понимания особенностей восприятия образа города, его жителями в воспоминаниях Е. И. Жидилова является сюжет о Братском кладбище. «Здесь похоронены герои первой обороны Севастополя. <...> В тени высоких пирамидальных кипарисов и приземистых густых туй стоят памятники-надгробия, рассказывающие о доблести русских воинов. До войны, я, как и все севастьянцы, любил бывать здесь, внимать тишине священных могил. Мне знаком здесь каждый камень. С волнением вновь и вновь перечитывал надписи на надгробиях...», — писал Е. И. Жидилов [7, с. 186].

Как и многие другие авторы воспоминаний о военном Севастополе, Е. И. Жидилов уделил особое внимание вопросам взаимоотношений людей разных национальностей в ходе обороны города. Он, в частности, писал: «Величайшая сила — дружба народов. Она сплавливает наши ряды, помогает сражаться за Севастополь, ставший родным для

каждого бойца, откуда бы он сам ни был родом. И не случайно, пожалуй, самый боевой, самый стойкий у нас — «интернациональный батальон» грузина Гегешидзе...» [7, с. 145]. Рассказывая о героизме и мужестве защитников Севастополя, Е. И. Жидилов упомянул о знаменитой Нине Ониловой, героине Советского Союза Н. А. Острякове, генерале авиации Коробкове, а так же о многих бойцах и командирах его бригады, существенно расширив для читателей галерею севастьянских героев. Но он вынужден был признать, что назвать всех героев севастьянской обороны невозможно. «Героизм в Севастополе был поистине массовым. <...> Севастопольцы жили и боролись единой семьей. Не было различий ни национальных, ни возрастных. Воины всех национальностей, рабочие, колхозники, интеллигенция, мужчины и женщины, старики и дети — все сражались, терпели лишения, погибали одинаково мужественно и гордо. Такими воспитала наших людей их великая мать — Коммунистическая партия» [7, с. 236]. Сюжетная линия, посвященная особой роли коммунистической партии в обороне Севастополя, была обязательным элементом в общей конструкции многих «севастьянских воспоминаний».

Е. И. Жидилов зафиксировал в своих воспоминаниях и те изменения, которые произошли во внешнем облике города за первые месяцы его осады. «Меня вызвали в Севастополь. Давно уже не был я в городе. А перемены здесь огромные. Много развалин. Зияют проемами выбитых окон обгоревшие стены <...>. Но город живет. Весело перезваниваются вагоны трамвая. Трамвайные пути все время разрушаются бомбежками, но севастьянцы терпеливо восстанавливают их <...>» [7, с. 146—147]. Особенно эмоционально тяжелым получилась у Е. И. Жидилова сцена прощания с городом. «Мы отстаивали тебя, Севастополь, не жалея жизни своей, но не смогли отстоять. Но мы вернемся к тебе, освободим тебя, и снова ты встанешь на берегу моря, славный и прекрасный город» [7, с. 224].

В 1970 г. в Симферополе в издательстве «Крым» вышла книга воспоминаний «На бастионах — чапаевцы», автором которой был генерал-лейтенант Т. К. Коломиец. В ней можно было встретить много примеров использования языковых конструкций, свойственных для литературы эпохи «холодной войны». Немецкая армия, потерпевшая «позорное поражение» в ноябрьском и декабрьском штурме Севастополя, «советский народ, который под руководством коммунистической партии много лет создавал Черноморский флот», у которого были «замечательные боевые корабли, оснащенные мощным вооружением и самой современной техникой», «грозные батареи береговой обороны» и т. д. [11, с. 34]. А вот развернутого описания города Севастополь в книге не было.

В 1972 г. были опубликованы воспоминания генерал-майора в отставке А. И. Ковтуна «Севастопольские записки». А. И. Ковтун прибыл в Севастополь 17 октября 1941 г. В его воспоминаниях образ города был прорисован несколькими пусть и очень яркими деталями. «Город жил войной» [9, с. 8], — писал А. И. Ковтун. Интересно, что для

него, человека, который прибыл в Севастополь впервые, самыми знаковыми местами в городе по его признанию были: Малахов курган и Графская пристань, места, вошедшие в историю славы русского оружия, и красочно описанные Л. Н. Толстым. А. И. Ковтун обратил внимание на то, как менялся город в дни обороны. Он писал: «Севастополь превращается не только в морскую, но и в сухопутную крепость» [9, с. 53].

А. И. Ковтун традиционно отметил особую роль коммунистов и комсомольцев в организации обороны города. «Они мобилизовали тружеников города на самоотверженный труд на предприятиях, в поле, порту. Городской комитет партии и Городской комитет обороны стали боевыми штабами, сплачивающими население города», — подчеркивал А. И. Ковтун [9, с. 101].

При этом в воспоминаниях А. И. Ковтуна были и ряд сюжетов, на которые не обращали внимания другие авторы. В частности, А. И. Ковтун одним из первых упомянул о работе гитлеровской разведки в городе. Он утверждал: «Нет сомнения, что в Севастополе есть их резидент». И далее. «Предателя, шпиона распознать трудно, если он не обнаруживает себя диверсионными актами. А среди них бывают и мнимые патриоты, которые бьют себя в грудь, клянутся в преданности Родине. Эти мелкие людишки способны пойти на любую сделку с врагом, если чувствуют, что сила на его стороне» [9, с. 100]. А. И. Ковтун утверждал, что при бомбардировках Севастополя летом 1942 г. гитлеровцы использовали бомбы, захваченные в складах на Керченском полуострове [9, с. 143]. Упомянул А. И. Ковтун и о той роли, которую сыграла в обороне Севастополя радиোগрамма И. В. Сталина на имя Ф. С. Октябрьского и И. Е. Петрова, полученная, по его словам, 13 июля 1942 г.

В 1973 г. вышла из печати книга И. П. Дмитришина «По зову памяти...». Литературную запись воспоминаний ветерана сделал И. Г. Падерин. В годы войны И. П. Дмитришин был разведчиком, и военная биография его сложилась очень непросто. В предисловии к книге генерал-лейтенант Е. И. Жидилов писал: «В период героической обороны Севастополя имя Ивана Дмитришина было так же хорошо известно среди защитников города, как имя Петра Кошки в Крымской войне 1855—1856 гг. Молодого коммуниста очень любили бойцы бригады. За ум и бесстрашие, за самоотверженную помощь товарищам при выполнении боевых заданий». Но при этом были в биографии И. П. Дмитришина «и тюрьма, и лагерь смерти» [4, с. 5, 8]. Общая схема воспоминаний И. П. Дмитришина была традиционной для советской литературы такого жанра: короткий рассказ о себе и своей семье, история появления в Севастополе, описание боевых действий, в которых он принимал личное участие, и сюжеты, связанные с участием автора книги в других военных операциях. Образ Севастополя, который мог возникнуть у читателя воспоминаний И. П. Дмитришина, тоже был уже достаточно традиционным. Но иногда в тексте воспоминаний встречались и не совсем привычные для воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны

«лирические отступления». Например, в самом начале книги И. П. Дмитришин писал: «Севастополь, Севастополь... Смотрю на тебя и кажется мне, что когда-то давным-давно, еще в пору формирования полуострова, дотянулся здесь до моря рукой какой-то сказочный гигант, дотянулся, погрузил пальцы в море и окаменел. Время — миллионы лет, — вода, ветер деформировали ладонь гигантской руки, скривили пальцы, но не смогли разрушить их. Они стали каменными грядками. Каждый палец — гряда. А между ними бухты. <...> И, кажется мне, не сегодня, так завтра оживут эти пальцы, сожмутся в мощный кулак, или уже сжались, и фашистские орды наткнутся на него, как на грозную скалу, которая обрушится на них неотвратимой карой за все злодеяния» [4, с. 11]. Есть в книге И. П. Дмитришина и эпизод, связанный с судьбой Панорамы обороны Севастополя. Автор вспоминал, что эта тема возникла в тот момент, когда один из бойцов читал знаменитые «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого. «После чтения конца главы, помеченной датой «Севастополь 1855 года, 25 апреля», командир взвода Ермошин ответил на вопрос Макина: «Четвертый бастион, как известно, располагался там, где сейчас находится Севастопольская панорама <...> Ее надо бы эвакуировать, но полотно стало ветхое, опасно: знаменитый баталист Рубо умер давно <...>. А как же быть? — спросил кто-то. — Как? Ермошин окинул взглядом всех присутствующих. — Сие от нас зависит. Сейчас Панорама замаскирована. А чтобы фашистские бомбардировщики, не искали в том районе объектов для атаки, войск наших там нет» [4, с. 56].

Очень показательно, что в воспоминаниях И. П. Дмитришина есть сюжет, посвященный подвигам П. Кошки, которого он воспринимал, как своего земляка. «Все посмотрели в мою сторону. Я не мог не испытать гордости за то, что я тоже с Подолья. И, если взять во внимание нынешнее территориально-административное деление, то Петр Кошка, можно сказать, был моим соседом — из соседнего Гайсинского района...» [4, с. 57].

Присутствовали в воспоминаниях И. П. Дмитришина и другие значимые для образа Севастополя городские сооружения и памятники. В первую очередь Графская пристань и памятник В. И. Ленину [4 с. 80]. Можно было встретить в тексте воспоминаний и знаменитую цитату из газеты «Правда» от 31 декабря 1941 г., в которой, в частности, говорилось: «Несокрушимой скалой стоит Севастополь, этот страж Советской Родины на Черном море. Сколько раз черные фашистские вороны каркали о неизбежном падении Севастополя! Беззаветная отвага его защитников, их железная решимость и стойкость явились той несокрушимой стеной, о которую разбились бесчисленные яростные вражеские атаки <...>».

Была в воспоминаниях И. П. Дмитришина и еще одна тема, которая имела особое значение для формирования образа Севастополя в исторической памяти советских людей. Это была тема дружбы различных народов, представители которых вместе защищали город от общего врага. И. П. Дмитришин показал эту тему очень своеобразно, спокойно, ли-

рично, через образ общей песни. Он писал: «Слова простой украинской песни и ее мелодия были понятны для белоруса и молдаванина, для казаха и русского, для всех, кого судьба свела на огненном Севастопольском плацдарме и даровала им один час забвения: «Витер вие, завивае, на Украину не звергае...» [4, с. 90].

Так же, как и в воспоминаниях Б. А. Борисова, в книге И. П. Дмитришина четко прослеживается изменение образа Севастополя в ходе обороны города в 1941—1942 гг. Одна из самых ярких «городских зарисовок» была сделана И. П. Дмитришиным в марте 1942 г., когда его часть была отведена на отдых в казармы зенитного училища. «Кругом руины, — писал И. П. Дмитришин, — рваная арматура, битые кирпичи, пустые коробки домов. Казалось, город умирает. Нет, живет и будет жить! Через развалины вдоль искверканных улиц бегут дети с сумками и связками книг и тетрадей. Бегут в подземную школу! Это взволновало меня. Ради того, что бы они продолжали ходить в школу, решали задачи, писали диктанты и сочинения, я готов был отказаться от отдыха, от прогулок по городу и немедленно вступить в яростный бой с фашистскими захватчиками...» [4, с. 99].

Последним образом Севастополя 1942 г. для И. П. Дмитришина стал образ Сапун-горы, где разведчик был тяжело ранен. Не случайно именно в этой части книги И. П. Дмитришин напрямую обратился к своим читателям: «Если ты будешь в Севастополе, — писал И. П. Дмитришин, — обязательно поднимись на Сапун-гору — высоту Геройства. Здесь во время Великой Отечественной войны гремела историческая битва. Низко склони голову перед теми, кто на этой священной земле отдал свою жизнь за свободу нашей Родины-матери...» [4, с. 127].

Показательно, что в самом конце книги И. П. Дмитришин вернулся к еще одному очень распространенному в художественной литературе образу Севастополя, который позволил автору вновь связать первую и вторую оборону Севастополя в некую единую историческую конструкцию. Этим образом стал образ цветущего мака. «Маковое царство, — писал И. П. Дмитришин. — <...> Они горят пламенной свежестью и сохраняют в себе горячую кровь погибших черноморцев. Они, как знамена, стоят в карауле у могилы. Сама природа поднесла венки павшим воинам-героям!» [4, с. 156].

В том же 1973 г. в Москве в издательстве «Воениздат» была опубликована книга маршала Советского Союза Н. И. Крылова «Огненный бастион», в которой в хронологической последовательности были описаны основные события, связанные с обороной Севастополя в 1941—1942 гг. Первые впечатления Н. И. Крылова о Севастополе очень отличались от воспоминаний тех, кто оказался в этом городе раньше. Н. И. Крылов писал: «Первый наш день на крымской земле — 17 октября — запомнился удивительной после Одессы, забытой там тишиной. Ни гула орудий, ни разрывов бомб. С безоблачного неба сияло еще по — летнему теплое солнце, золотилась гладь широких бухт, где спокойно стояли на якорях корабли <...>» [12,

с. 9]. Н. И. Крылов подчеркивал: «Уже первые дни обороны главной базы флота ознаменовались множеством ярчайших примеров матросской отваги и боевой доблести. И не мне говорить, чем был для черноморцев Севастополь, их твердыня, их гордость и слава, символ их революционных и боевых традиций» [12, с. 60]. Очень сильное впечатление на Н. И. Крылова произвело посещение Братского кладбища Севастополя. «Попади я сюда еще полгода назад, до войны, все это, вероятно, показалось бы бесконечно далеким. Но теперь под Севастополем снова гремели орудия и события первой его обороны словно приблизились, совмещаясь в сознании с сегодняшними. У нас в штабе ходила по рукам раздобытая кем-то «Севастопольская страда» Сергеева-Ценского. Завладевший ею, что бы прочесть главу, жертвовал часом и без того короткого сна. В частях бойцы задавали вопросы о Нахимове, о матросе Кошке» [12, с. 73]. Размышляя о причинах провала наступления гитлеровских войск на Севастополь, Н. И. Крылов писал: «Если в огне боев главная база Черноморского флота превращалась в неприступную сухопутную крепость, ее такой делали не форты, а ставшие на защиту Севастополя, полные решимости его отстоять советские люди» [12, с. 83]. В воспоминаниях Н. И. Крылова нашлось место и сюжетам о жизни мирного населения города, и о героях его обороны, и о роли коммунистов в борьбе с врагом. Особое внимание Н. И. Крылов уделил подвигу женщин, которые защищали город и на передовой и за линией фронта (Н. Онилова, Л. Харитонская, А. Чаус и др.). К образу Севастополя, который формировался у читателей воспоминаний Н. И. Крылова, существенный новый штрих добавил рассказ Н. И. Крылова о том, как на склоне «у Исторического бульвара, увенчанного зданием Панорамы первой обороны, появилась надпись, выложенная трехметровыми буквами из плит инкерманского камня: «Севастополь был, есть и будет советским!» Н. И. Крылов вспоминал: «Кажется, идею выложить лозунг, который читался бы «из города, с фронта и с неба» подал секретарь Крымского обкома партии Федор Дмитриевич Меньшиков...» [12, с. 169].

Однако самые удивительные зарисовки о жизни Севастополя Н. И. Крылов сделал весной 1942 г., когда возвращался в город из госпиталя. «Город заливало весеннее солнце. Ослепительно искрилась просвечивающая между зданиями голубизна бухт. А улицы казались прибранными, словно перед праздниками: чисто выметена мостовая, побелены стволы деревьев, свежей краской блестя скамейки в скверах. Обгоняя шагающих по тротуарам пешеходов, весело позванивали аккуратные трамвайчики. Мелькнула афиша кинотеатра. На бульваре женщины высаживали цветы...» [12, с. 262]. Но уже через несколько страниц воспоминаний, посвященных тяжелым боям весны и лета 1942 г., Н. И. Крылов констатировал: «Севастополя, такого, каким мы привыкли его видеть и представлять, каким он оставался после двух прошлых штурмов и семи месяцев осады, теперь не стало. Он превратился в руины» [12, с. 338]. Отдельно Н. И. Крылов описал трагедию, которая произошла со зданием Панорамы обороны

Севастополя 1854—1855 гг. Очень неожиданно Н. И. Крылов завершил текст своих воспоминаний об обороне Севастополя. Он не стал описывать последние часы обороны города, утверждая, что «автор мемуаров не вправе писать о событиях, которым он сам не был свидетелем» [12, с. 415].

В 1974 г. в издательстве «Таврия» были опубликованы воспоминания капитана 1-го ранга в отставке А. С. Дукачева. В годы Великой Отечественной войны он был секретарем партийной организации на крейсере Черноморского флота «Слава». Его воспоминания о событиях 1941—1942 гг. в Севастополе несколько отличались от воспоминаний, тех, кто защищал город на суше. В первую очередь воспоминания А. С. Дукачева были посвящены «морским» сюжетам героической обороны города. В них было много деталей понятных и значимых в первую очередь для рядовых моряков и морских офицеров. Но были в книге сюжеты, которые стали традиционными для воспоминаний участников обороны Севастополя. Один из них касался севастопольской Панорамы. Рассказывая о подготовке моряков к участию в боях на суше, А. С. Дукачев вспоминал: «Дважды мы организовывали экскурсию в знаменитую Панораму обороны Севастополя 1854—1855 гг., на которой запечатлен бессмертный подвиг русских солдат и моряков у стен черноморской твердыни» [5, с. 22]. А. С. Дукачев обратил внимание на то, как изменился облик города осенью 1941 г. «Жизнь в Севастополе стала по-фронтовому суровой. По улицам ходили матросы, перепоясанные пулеметными лентами. В облике жителей, в их поведении чувствовалась напряженность» [5, с. 38]. Описывая дальнейшие события в Севастополе, А. С. Дукачев использовал такие эпитеты, как «сражающийся Севастополь», «осажденный Севастополь», «наш родной Севастополь». Очень ярким получился рассказ А. С. Дукачева о том, как 29 декабря 1941 г. крейсер «Слава» вернулся в Севастополь из Очамчиры. «Настороженно встретил нас город. Поразила необычная темнота, окутавшая бухту, прибрежные скалы, дома. <...> Медленно пройдя через боновые заграждения, крейсер вошел в бухту. <...> Мы смотрели и не узнавали ее. Границы берегов будто раздвинулись, зеркало воды расширилось. <...> Бухта опустела. Не стоят на бочках грозные крейсера, не швартуются у причалов красавцы эсминцы, не спуют по бухте катера и буксиры. Непривычное зрелище для моряка» [5, с. 63]. Как и в воспоминаниях многих других авторов, в книге А. С. Дукачева появился сюжет, посвященный особому интернациональному составу защитников Севастополя. А. С. Дукачев писал: «Среди бойцов и командиров, прибывших на помощь Севастополю, — русские и грузины, азербайджанцы и украинцы, армяне и дагестанцы. Все они идут защищать город русской военно-морской славы, который в этой священной войне стал им так же дорог как Тбилиси или Баку, Ереван или Махачкала, Армавир или Харьков» [5, с. 64]. Несколько страниц своих воспоминаний А. С. Дукачев посвятил личным впечатлениям от первой встречи с жителями Севастополя. «Не скрою, поднимаясь по крутой лестнице в город, мы думали, что встретим среди

развалин, напуганных, прячущихся от обстрела людей. Но то, что увидели, заставило учащенно забиться наши сердца, ошутить прилив гордости за севастопольцев, за наших советских людей. Несмотря на то, что фронт находился совсем рядом и в городе были разрушения, несмотря на то, что и сейчас в разных его концах то и дело разрывались бомбы и снаряды, валились стены и поднимались столбы огня и дыма, Севастополь жил. Во всем чувствовалась строгая размеренность, деловитость, подтянутость. Ходили трамваи, встречалось немало прохожих. Работали магазины. У продуктового магазина на улице Ленина стояли женщины...» [5, с. 93]. Как и в воспоминаниях Б. А. Борисова, в книге А. С. Дукачева был рассказ о жизни «подземного» Севастополя. А. С. Дукачев подчеркивал: «Это был настоящий подземный город, где работали цеха оборонных предприятий, госпитали, больницы, культурно-бытовые учреждения, школы, детские сады и даже кинотеатр» [5, с. 95]. Показательно, как изменились те эпитеты, которые использовал А. С. Дукачев, рассказывая о втором этапе обороны Севастополя. Теперь все чаще в тексте можно было встретить слова «израненный», «разрушенный», «непокоренный». Именно в этой части воспоминаний А. С. Дукачева появился рассказ о героических женщинах Севастополя, как о хорошо известных советскому читателю (Л. Павличенко, А. Чаус и др.), так и об оставшихся в истории обороны Севастополя безымянными героями. Завершая свой рассказ об участии экипажа крейсера «Слава» в обороне Севастополя, А. С. Дукачев подчеркнул особо, мы могли «со спокойной совестью доложить Севастополю, что делали все, что могли, для достижения победы над врагом, и не было в наших рядах ни трусов, ни паникеров» [5, с. 293].

В 1980 г. там же в издательстве «Таврия» были изданы воспоминания Е. А. Игнатовича «Мы защищали небо Севастополя». Как признавался сам автор, ему хотелось «рассказать о той важной роли, которую сыграли зенитчики-черноморцы в обороне главной базы флота и города Севастополь» [8, с. 3]. Уже в самом начале книги Е. А. Игнатович сделал очень важное признание, позволяющее лучше понять специфику воспоминаний участников Великой Отечественной войны, созданных спустя много лет после завершения боевых действий. Е. А. Игнатович писал: «Трудно было бы писать, пользуясь только тем, что сохранила память, хотя и сохранила она многое, а так же тем, что удалось узнать из архивных документов. На помощь пришли боевые товарищи. Встречи с ними, их воспоминания и письма позволили собрать обширный материал» [8, с. 3—4]. Примечательно, что в воспоминания Е. А. Игнатовича были включены несколько сюжетных линий ранее уже неоднократно встречавшихся в воспоминаниях других участников обороны Севастополя. Так описывая предновогодний бой в районе высоты 60,0, Е. А. Игнатович рассказал о посылках, которые солдаты получили с Большой Земли. «Эти дорогие для них посылки пришли из областей Российской Федерации и Казахстана, из Грузии и Армении <...>. Казалось, что вся великая страна — Союз Советских Социалистических Республик — в трудный

час прислал сюда под Севастополь, на истерзанную бомбами и снарядами высоту привет и благодарность своим верным защитникам...» [8, с. 75]. А рассказывая о лейтенанте А. Ф. Мордовцеве, Е. А. Игнатович так описал возможный ход его мыслей: «Проходя мимо одной из воронок, образовавшейся на 4-й Бастионной улице, Мордовцев увидел около полусотни старинных ядер, — они лежали со времен первой обороны Севастополя. Подумал: «Вот они, немые свидетели героизма русских людей, стойко защищавших родной город в прошлом веке. И мы помним о них. Не забудут советские люди и о подвигах нынешнего поколения» [8, с. 152]. Упомянул Е. А. Игнатович и об эвакуации из города полотна панорамы «Оборона Севастополя 1854—1855 гг.».

Одной из последних книг воспоминаний участников обороны и освобождения Севастополя в годы Великой Отечественной войны, изданных в СССР, стала книга капитана 1-го ранга в отставке К. И. Воронина «И нет конца тревогам...». Первый раз она была опубликована в 1981 г., а в 1991 г. была переиздана в издательстве «Украина» в Киеве. Книга была посвящена «участию экипажей кораблей охраны водного района в обороне Севастополя и боевых действиях на Черном море». Автор воспоминаний построил текст по уже традиционной для работ такого рода схеме, в основе которой лежало описание хода боевых действий. Многие сюжеты, герои и образы, которые встречались в книге К. И. Воронина, неоднократно были представлены в других более ранних произведениях данного жанра. Не был оригинальным и общий вывод, сделанный автором книги: «Массовый героизм защитников черноморской твердыни сыграл решающую роль на всех этапах героической обороны Севастополя» [3, с. 69]. Вместе с тем следует признать, что сюжеты книги К. И. Воронина, посвященные работе судоремонтных мастерских, высадке разведывательно-диверсионных групп, организации противодесантной обороны дополнили общую картину обороны Севастополя новыми немаловажными деталями.

Первичный анализ текстов воспоминаний участников обороны и освобождения Севастополя в годы Великой Отечественной войны позволяет сделать несколько, на наш взгляд, важных выводов. Воспоминания участников боевых действий в Севастополе не имеют принципиальных фундаментальных отличий от других воспоминаний участников Великой Отечественной войны, опубликованных в СССР во второй половине XX в. Жесткая редакционная политика советских книжных издательств, последовательная деятельность органов цензуры, своеобразная культурно-историческая традиция, сложившаяся к этому времени в советском социуме сделали невозможным формирования какого-то особого исключительного уникального взгляда на историю Великой Отечественной войны в рамках региональных сюжетов.

Тем не менее, «севастопольские» воспоминания о Великой Отечественной войне имели свою специфику, которую, на наш взгляд, определяли следующие факторы. Во-первых, они были созданы представителями разных родов сухопутных

войск, военно-воздушных сил и военно-морского флота, представителями партизанского движения, партийного аппарата, мирного населения. Это позволило сформировать многоплановую полисюжетную картину многих событий и процессов, имевших большое значение для всей истории обороны и освобождения Севастополя. Во-вторых, они были созданы представителями, как высшего командного состава, так и представителями среднего звена и даже младшего командного состава, что придало общей картине воспоминаний особую информационную насыщенность и конфликтность некоторых оценок. В-третьих, воспоминания были посвящены событиям, первичный образ которых уже был сконструирован средствами массовой информации, деятелями советской культуры и искусства. Этот образ оказался столь убедительным, что в дальнейшем он оказал заметное влияние на процесс создания некоторых воспоминаний об обороне и освобождении Севастополя в годы войны, трансформировав целый ряд сюжетных линий и итоговых оценок.

Среди «обязательных» сюжетов, связанных в основном с обороной Севастополя 1941—1942 гг., и формирующих образ города в глазах читателя воспоминаний следует назвать, во-первых, сюжет о постепенном разрушении города в ходе боевых действий, в рамках которого образ белокаменного солнечного светлого города постепенно трансформировался в серый и мрачный образ разрушенных зданий и памятников; во-вторых, сюжет о мужестве и героизме защитников города, среди которых были не только солдаты и матросы, но женщины, дети, сыгравшие огромную роль в судьбе города; в-третьих, сюжет об исторической взаимосвязи первой и второй обороны города, которая стала одним из источников мужества и героизма его защитников и проявлялась через памятники, исторические названия, литературные образы (в этом смысле настоящим «местом памяти», как понимал его П. Нора, стала для севастопольцев Панорама обороны Севастополя 1854—1855 гг.); в-четвертых, сюжет об особой роли коммунистов и комсомольцев в обороне города, появление которого объясняется не только особенностями политического режима существовавшего в стране, но и своеобразием советской культурно-исторической традиции описания и восприятия многих событий и процессов, связанных с Великой отечественной войной; в-пятых, это сюжет о дружбе народов, которая ярко проявилась во время обороны Севастополя, в-шестых, это сюжет о неизбежности освобождения и восстановления Севастополя, как одного из самых красивых городов в СССР, как города-крепости, города-порта, города-славы.

**Публикация подготовлена в рамках под-
держанного РФФИ (отделение гуманитар-
ных и общественных наук) научного проекта
№ 15-01-00219**

Литература и источники

1. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 232 с.

2. Борисов, Б. А. Подвиг Севастополя: воспоминания / Б. А. Борисов. — М.: Воениздат, 1957. — 390 с.
3. Воронин, К. И. «И нет конца тревогам...» / К. И. Воронин. — Киев: Украина, 1991. — 184 с.
4. Дмитришин, И. П. По зову памяти / И. П. Дмитришин. — М.: ДОСААФ, 1973. — 160 с.
5. Дукачев, А. С. Курс на Севастополь / А. С. Дукачев. — Симферополь: Таврия, 1974. — 304 с.
6. Евсеев, А. К. Осажденный Севастополь / А. К. Евсеев. — Л.: Советский писатель, 1959. — 256 с.
7. Жидилов, Е. И. Мы отстаивали Севастополь / Е. И. Жидилов. — М.: Воениздат, 1960. — 240 с.

8. Игнатович, Е. А. Мы защищали небо Севастополя / Е. А. Игнатович. — Симферополь: Таврия, 1980. — 176 с.
9. Ковтун, А. И. Севастопольские записки / А. И. Ковтун. — Симферополь: Таврия, 1972. — 172 с.
10. Козлов, И. А. В крымском подполье. В городе русской славы / И. А. Козлов. — Симферополь: Крымиздат, 1952 — 495 с.
11. Коломиец, Т. К. На бастионах-чапаевцы / Т. К. Коломиец. — Симферополь: Крым, 1972 — 139 с.
12. Крылов, Н. И. Огненный бастион / Н. И. Крылов. — М.: Воениздат, 1973 — 416 с.

СИБИРЯКОВ Игорь Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия). E-mail: sibirjkovig@mail.ru

Поступила в редакцию 12 декабря 2017 г.

DOI: 10.14529/ssh180107

THE IMAGE OF SEVASTOPOL IN THE MEMORIES OF PARTICIPANTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

I. V. Sibiryakov, sibirjkovig@mail.ru

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article analyzes more than a dozen memoirs of participants in the Great Patriotic War, in which there are stories devoted to the defense of Sevastopol in 1941—1942. The author identified the main images of Sevastopol, which could have been formed when reading these texts, by Soviet readers. Particular attention is paid to the analysis of the mechanisms of formation of such images in the context of the state historical policy that was carried out in the USSR in the second half of the 20th century. The author reveals some features of the perception of the image of the city by direct participants in the defense of Sevastopol in 1941—1942.

Keywords: Great Patriotic War, image, politics of memory, Sevastopol.

The publication was prepared within the framework of a research project supported by the Russian Foundation for Basic Research (Department of Humanities and Social Sciences) No. 15-01-00219.

References

1. Assman, A. Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj / A. Assman [Text]. — М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. — 232 s.
2. Borisov, B. A. Podvig Sevastopolja: vospominanija / B. A. Borisov [Text]. — Moskva: Voenizdat, 1957. — 390 s.
3. Voronin, K. I. «I net konca trevogam...» / K. I. Voronin [Text]. — Kiev: Ukraina, 1991. — 184 s.
4. Dmitrishin, I. P. Po zovu pamjati / I. P. Dmitrishin [Text]. — М.: DOSAAF, 1973. — 160s.
5. Dukachev, A. S. Kurs na Sevastopol' / A. S. Dukachev [Text]. — Simferopol', «Tavrija», 1974. — 304 s.
6. Evseev, A. K. Osazhdennyj Sevastopol' / A. K. Evseev [Text]. — L.: Sovetskij pisatel', 1959. — 256 s.
7. Zhidilov, E. I. My otstajvali Sevastopol' / E. I. Zhidilov [Text]. — М.: Voenizdat, 1960. — 240 s.
8. Ignatovich, E. A. My zashhishhali nebo Sevastopolja / E. A. Ignatovich [Text]. — Simferopol', «Tavrija», 1980. — 176s.
9. Kovtun, A. I. Sevastopol'skie zapiski / A. I. Kovtun [Text]. — Simferopol', «Tavrija», 1972. — 172 s.
10. Kozlov, I. A. V krymskom podpol'e. V gorode russkoj slavy / I. A. Kozlov [Text]. — Simferopol', «Krymizdat», 1952 — 495 s.
11. Kolomiec, T. K. Na bastionah-chaapevcy / T. K. Kolomiec [Text]. — Simferopol', «Krym», 1972 — 139 s.
12. Krylov, N. I. Ognennyj bastion / N. I. Krylov [Text]. — М., Voeizdat, 1973 — 416 s.

Received December 12, 2017

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Сибиряков, И. В. Образ Севастополя в воспоминаниях участников Великой Отечественной войны / И. В. Сибиряков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2018. — Т. 18, № 1. — С. 47—55. DOI: 10.14529/ssh180107

FOR CITATION

Sibiryakov I.V. The image of Sevastopol in the memories of participants of the Great Patriotic war. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2018, vol. 18, no. 1, pp. 47–55. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh180107